

Общая газ. -1995-
20 апр. - с 10.

ДЕЛИКАТЕСЫ

Шекспир – и нам с ним нет конца

Алексей Бартошевич. «Шекспир. Англия. XX век», «Искусство», 1995

КНИГА начинается с завлекательной заставки: год 1607, море, корабль в море, штиль. Матросы скучают и злятся, назревает едва ли не бунт – и капитан Килинг, опытный морской волк, придумывает развлечь команду театральной самодеятельностью. Он выбирает самую крутую пьесу, какую знает: всем понятную, захватывающую, с убийствами, поединками, отравлениями, бешеной любовью, солеными шутками – одним словом, «Гамлета».

Кто клонет на эту приманку – не ошибется: дух дерзости обитает в повествовании Бартошевича и весело дружит с духом добросовестной учености. Служение идеалу, понятому так, как только ты один можешь его понять, и жизнь среди людей, в своем времени, в своей стране, всегда уникальное соединение возвышенного идеализма и трезвого расчета – сквозная тема книги.

О чем бы ни вел речь Алексей Бартошевич – о создании Шекспировского Мемориального театра в Стратфорде-на-Эйвоне, о постановках 30-х годов или о роли Ричарда III, сыгранной Энтони Шером десять лет назад, – книга дает читателю ощущение присутствия. Мы этого не видели, но словно бы находились где-то рядом, в смежной комнате – так хорошо, так складен и ярок узор подробностей, которыми инкрустируется рассказ.

Алексей Бартошевич – блестящий рассказчик и тонкий стилист. Фундаментальное знание предмета и перспективы, в которую предмет по-

мешен, соединяется в его «хрониках» с глубоким, но усмиримым остроумием, дерзость доказательных суждений – с респектабельной деликатностью выражений. Его книга очень выделяется среди культурологических сочинений, для сегодняшнего дня типичных – либо поверхностных и крикливых, либо предмерно замумных. В ней есть дисциплинированное изящество и твердое понятие о цели письма.

Шекспир, исповедуемый Алексеем Бартошевичем, – «Шекспир для всех», открывающийся любому времени. Театр Шекспира – театр, в котором всегда есть место человеку, и оттого эпохи, друг друга не любящие или не желающие замечать, обнаруживают свою связь в перетолкованиях «Гамлета», «Ричарда III», «Сна в летнюю ночь». Поэтому кульминационные события в жизни шекспировских пьес на английской сцене у Бартошевича так дополняют друг друга, так друг к другу тянутся – но, вдобавок, каждое посылает свой сигнал в будущее, в конец перспективы, где все может сойтись и выясниться.

Под «концом перспективы» я вовсе не имею в виду конец истории: чего уж вовсе нет в книге Бартошевича, так это модных эсхатологических мотивов. К выгоде или к невыгоде автора, точка, в которой темы фокусируются, находится на его собственной территории: в России, на рубеже столетия. Истории из жизни шекспировского театра оказываются неожиданно и потрясающе актуальны. Ненавязчивая, скрытая пропедевтика, по всей вероятности, входила в намерения авто-

ра. Абзацы Бартошевича по эстетике маньеризма тянет, ни строчки не меняя, переадресовать постмодернистским теориям творчества; размышления о стиле викторианского театра как нельзя лучше комментируют стремление к самодовлеющему и пышному жизнеподобию, проявившемуся в премьерах 90-х годов; предвоенные проклятия имморализму, тогдашние идеалы сильной воли и доблестной личности заставляют насторожиться: новые мечты о Большом стиле и неоклассицистские упования, все более громкие – не знак ли близкой катастрофы? И так далее.

Человеку, занимающемуся живым театром, постоянно кажется, что он то и дело натывается на собственные проблемы и собственные надежды. Будущее словно бы не строится, а сплетается из переправленных повторений и отображений уже состоявшегося в драматичной и прекрасной «жизни с Шекспиром». Однако оптимистический пафос книги «Шекспир. Англия. XX век» в том и состоит, что будущее открыто: оно как-то сложится, оно – будет.

Книгу Бартошевича завершает приложение: выдержки из статей русских шекспироведов об английских спектаклях. Последняя статья принадлежит самому автору книги, и последняя строчка в ней – почти молитвословие: «Шекспир, помоги нам». Это, конечно, шутка, но не только: на помощь Шекспира мы можем надеяться со всей серьезностью, и она будет оказана в той мере, в какой мы сумеем ее принять.

Александр БАРИН